

МЕТОДОЛОГИЯ

В "ОНС" № 2 за 1999 год опубликована статья А.П. Назаретяна "Векторы исторической эволюции". Эта статья и доклад автора обсуждались на заседании семинара, который был организован группой ученых, работающих по гранту Российского фонда фундаментальных исследований № 97-06-80272 над проектом "Синергетико-психологическая модель антропогенных кризисов". Некоторые материалы обсуждения представлены в публикуемых ниже статьях.

А.В. КОРОТАЕВ

Тенденции социальной эволюции*

Обсуждая феноменологию социальной эволюции, не могу согласиться со столь пренебрежительным отношением к "словам", которые декларирует А. Назаретян. Мои соображения по поводу достоинств и недостатков термина "прогресс" подробно изложены в книге [1]. Возражения в статье [2] меня не убедили, и я настаиваю на том, что злоупотребление этим термином чревато превращением теорий, претендующих на научность, в тоталитарную идеологическую доктрину.

Тем не менее здесь я оставляю эту сторону дела за скобками и сосредоточусь на существе вопроса о том, "возможно ли в калейдоскопе исторических событий ...круговоротов, прозрений и катастроф на достаточно больших временных интервалах проследить какие-либо сквозные векторы изменений" [2, с. 116]. Это действительно большой вопрос эволюционной теории, касающийся "направленности" социальной эволюции и ее тенденций.

Назаретян выделяет пять сквозных тенденций ("векторов"): 1) рост технологической мощи; 2) демографический рост; 3) интеллектуальный рост; 4) рост организационной сложности; 5) рост терпимости, способности к взаимопониманию и компромиссам.

В целом я, с некоторыми оговорками, мог бы согласиться, что большинство выделенных тенденций реально существует (и существовало), но при этом сделаю несколько принципиальных критических замечаний.

КОММЕНТАРИЙ ПЕРВЫЙ. Начну с того, что предлагаемый Назаретяном список "сквозных векторов" далеко не полон. Можно выделить значительное число иных сквозных тенденций, несводимых к перечисленным. Приведу примеры:

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

К о р о т а е в Андрей Витальевич - доктор исторических наук, заведующий лабораторией Российского государственного гуманитарного университета.

6) рост уровня развития коммуникации (эта тенденция коррелирует с "ростом технологической мощи", но целиком к ней несводима);

7) рост размеров социальных систем (исчисляемый количеством людей, которых эти системы в той или иной степени организуют). Эта тенденция является во многом производной от тенденции к демографическому росту и росту организационной сложности, но опять-таки к ним несводима. Рост населения совсем не обязательно ведет к увеличению размеров социальных организмов, которые могут просто сегментироваться, а при таком развитии событий будет расти число социальных организмов, но не их размер. Организационная сложность может нарастать и в рамках достаточно стабильного по своим размерам социума (как это показывают некоторые развитые страны). Кроме того, рост размеров социума зачастую выступает в большей степени фактором, чем результатом роста организационной сложности (как это нередко наблюдалось в результате войн, когда завоеватели оказывались вынужденными резко усложнить структуру своей системы для того, чтобы контролировать завоеванное население, инкорпорированное в резко увеличившуюся в своих размерах совокупную социальную систему "завоеватели-завоеванные").

Наконец, в общем контексте рассуждений Назаретяна совсем уж странным представляется то, что он не выделяет еще одну вполне реальную сквозную тенденцию социальной эволюции:

8) рост военной мощи. Ведь и эта тенденция к иным "сквозным векторам" целиком сведена быть не может. Так, совершенствование орудий насилия можно рассматривать как производное от роста технологической мощи, хотя и с некоторой натяжкой. Из того, что вырастает количество энергии, контролируемой социумом, совсем не обязательно автоматически вытекает, что она должна быть направлена на совершенствование орудий насилия; но в том-то и дело, что в человеческой истории существует реальная тенденция именно так и поступать, а уж эта тенденция к одним лишь технологическим факторам несводима. А совершенствование тактики боя - можно ли ее свести исключительно к росту организационной сложности? (Ведь более совершенная тактика боя может вырабатываться организационно менее сложными структурами, как это неоднократно показывали кочевники Евразии в своих столкновениях со сверхсложными земледельческими государствами.) А рост индивидуального боевого мастерства воинов?

Очевидно, список сквозных тенденций социальной эволюции можно продолжить. Эти тенденции могут быть иерархизированы по принципу первичности/вторичности; при этом вторичные тенденции не могут быть целиком сведены к более фундаментальным и представляют самостоятельный интерес. Предлагаемая же Назаретяном схема пяти "сквозных векторов" выглядит nepозволительным упрощением.

КОММЕНТАРИЙ ВТОРОЙ. Некоторые сквозные тенденции сформулированы слишком нечетко, расплывчато, общо, неконкретно; они слабо операционализируемы, с ними почти невозможно работать. По-видимому, это и не тенденции, а группы сквозных тенденций, реальность существования которых в разной степени достоверна. Относится это замечание конкретно к тенденциям ("векторам") 1, 3, 4. Начну с тенденции 3, обозначенной Назаретяном как *интеллектуальный рост*.

Вряд ли можно согласиться с тем, что охотник-собиратель обладал менее развитым интеллектом, чем земледelec. Назаретян интеллект первого явно недооценивает. На самом деле, есть основания предполагать, что по некоторым показателям интеллекта охотники-собиратели даже несколько превосходили земледельцев, оказываясь ближе к человеку современных развитых обществ, чем последние. Например, показано, что тип социализации среди охотников-собирателей зачастую ближе к распространенному в развитых современных обществах, чем тот, что преобладает среди традиционных земледельцев. Действительно, если у земледельцев в процессе социализации воспитываются прежде всего такие качества, как готовность подчиняться, послушание, следование рутине, то и среди охотников-собирателей, и в развитых современных обществах социализация направлена на воспитание независимости, способности самостоятель-

но принимать решения. И ничего странного в этом нет, ибо наиболее развитые современные общества объединяет с неспециализированными охотниками-собираателями общность некоторых фундаментальных условий существования людей: и для тех, и для других, в отличие от земледельцев, живущих по достаточно уверенно прослеживаемым циклам, характерна слабая предсказуемость постоянно меняющихся (и не контролируемых конкретными людьми) условий существования, делающая слепое следование рутине и авторитету контрпродуктивными, подталкивающая к постоянному принятию самостоятельных решений [3].

В любом случае тезис о существовании сквозного вектора "интеллектуального роста" оказывается достаточно проблематичным. Тем не менее это не значит, что никаких "сквозных эволюционных тенденций" в этой области обнаружить вообще нельзя. Нужно лишь более четко определить рассматриваемые параметры, от анализа расплывчатого "интеллектуального роста" перейти к рассмотрению чего-то более операционализируемого, наблюдаемого.

Вполне можно говорить о существовании сквозной тенденции к росту количества информации, находящейся в распоряжении человеческого социума. Можно говорить и о тенденциях к развитию некоторых интеллектуальных навыков, например, навыков абстрактного мышления (применительно к последней тенденции есть, впрочем, некоторые сомнения по поводу реальности ее непрерывного существования до Осевого времени).

Существуют некоторые сомнения и по поводу возможности рассматривать в качестве единой тенденции *рост технологической мощи*. Ведь и здесь речь идет не об одном параметре, а о группе параметров, связь между которыми не просто далека от 100%-ной положительной корреляции, но нередко даже отрицательна.

Возьмем такой исключительно значимый параметр "роста технологической мощи", как производительность труда. И фазу же мы сталкиваемся с заметными проблемами. Ведь, как показала еще Э. Босеруп, в традиционном земледелии наблюдается как раз долгосрочная тенденция к падению производительности труда, а не к ее росту. Данная тенденция вполне закономерна: при наиболее экстенсивном подсечном земледелии производительность труда стремится к своему максимуму - ведь земледелец имеет возможность использовать наиболее плодородные участки земли, а после их истощения оставлять их под перелог на такие промежутки времени (30-50 и даже более лет), которые достаточны для полного восстановления их первоначального плодородия. В дальнейшем, с ростом плотности населения земледелец вынужден все больше и больше сокращать срок перелога. В результате плодородие почвы перестает полностью восстанавливаться, а значит, для получения прежнего урожая с данного участка земли необходимо затрачивать дополнительный труд (вносить удобрения, делать более основательную прополку, более тщательно обрабатывать почву и т.д.). В результате для получения равного количества продукта необходимо затрачивать заметно большее количество труда, т.е. производительность труда значимо падает.

Конечно, и в доиндустриальных обществах время от времени появлялись инновации, противодействующие данной тенденции: переход к плужному земледелию, бронзовым, а затем железным орудиям труда, рост (через искусственный, хотя и неосознанный отбор) производительности домашних растений и животных и т.д. Все это приводило время от времени к росту производительности труда уже и в доиндустриальном земледелии. Тем не менее дополнительные ресурсы, получаемые таким путем, как правило, инвестировались в демографический рост, что обостряло проблему выхода продукции с единицы обрабатываемой площади и в свою очередь приводило (через описанные выше механизмы) к тому, что полученная прибавка в производительности труда быстро "съедалась".

Таким образом, для большей части постпалеолитической истории человечества в основном секторе экономики не наблюдается явно выраженной тенденции к росту по такому важнейшему показателю "возрастания технологической мощи", как производительность труда. Более того, у наиболее развитых доиндустриальных интенсивных

земледельцев производительность труда оказывается ниже, чем у ранних экстенсивных земледельцев. Например, производительность труда в наиболее интенсивном земледелии центральных районов Китая в 20-30-е годы XX века была заметно ниже, чем у большинства ранних экстенсивных земледельцев Тропической Африки [4,5].

Существенно и то обстоятельство, что интенсивные земледельцы, производительность которых даже несколько уступает ранним экстенсивным земледельцам, все-таки производят несколько большее количество продукта. Объяснение здесь очень простое - у интенсивных земледельцев, как правило, продолжительность рабочего дня в 2-3 раза превышает таковую у ранних земледельцев [6].

Здесь мы, кстати, сталкиваемся с одной вполне реальной тенденцией социальной эволюции, не замеченной Назаретяном, - тенденцией к росту продолжительности рабочего дня, который увеличивается при переходе от присваивающего хозяйства к производящему, от экстенсивного земледелия к интенсивному и при дальнейшей интенсификации доиндустриального сельского хозяйства [7].

Данная тенденция относится именно к классу интересующих Назаретяна. Это одно из проявлений к движению "от естества", к росту "устойчивого неравновесия". Вместе с тем характерно и ее заметное отличие от большинства тенденций, рассматривавшихся ранее: "вектор" этот не совсем "сквозной". В наиболее развитых обществах тенденция к росту продолжительности рабочего дня была во второй половине XIX - начале XX века переломлена, сменившись обратной тенденцией к сокращению рабочего дня (в дальнейшем эта тенденция охватила большую часть земного шара).

Но именно этим данная тенденция особенно интересна. Из того факта, что одна из тенденций "движения от естества" имела место с глубокой древности до настоящего времени, вовсе не следует, что необходимо добиваться ее продолжения и в дальнейшем. Иногда имеет смысл эту тенденцию сломать, остановить "сквозную тенденцию", превратить "сквозной вектор" в "несквозной". Более того, попытки эти вовсе не обречены на поражение, могут быть вполне успешными и иметь самые благоприятные последствия для людей. Вместе с тем отнюдь не всякое "движение от естества" оказывается тождественным прогрессу, к прогрессивным же сдвигам могут вполне приводить и попытки заблокировать некоторые разновидности такого движения.

Как мы увидим ниже, это отнюдь не единственная из такого рода тенденций.

И еще одно наблюдение. Можно, по-видимому, констатировать существование важной сквозной тенденции к абсолютному росту производства валового внутреннего продукта (ВВП). Особенно она очевидна, если счет вести относительно производства ВВП на один социум. Впрочем, эта тенденция явно производна, прежде всего от тенденции к росту размеров социумов. Менее очевидна (но все-таки прослеживается) сквозная тенденция к росту ВВП на душу населения. Однако и она на протяжении исторического периода связана не столько с "ростом технологической мощи", сколько с ростом продолжительности рабочего дня.

Вместе с тем существуют реальные сквозные тенденции к росту по целому ряду других важнейших технологических параметров.

Так, из сказанного выше очевидно наличие устойчивой сквозной тенденции к росту производительности земли¹. Действительно, если для таких важнейших технологических сдвигов, как переход от присваивающего хозяйства к производящему, от раннего земледелия к интенсивному и дальнейшая интенсификация земледелия, заметной тенденции к росту производительности труда не наблюдается (чаще отмечается как раз обратное), то при этом безусловно и в высшей степени ощутимо растет производительность земли. И если производительность труда у интенсивных доиндустриальных земледельцев не сильно превышала таковую у низших охотников-собирателей и заметно уступала производительности труда высших охотников, собирателей и рыболовов, то по показателю "производительность земли" они превосходили вторых в десятки и сотни раз, а третьих - в сотни, тысячи (а иногда и десятки тысяч) раз [5].

¹ Производительность земли - количество продукта, производимого на единицу площади территории, занимаемой социумом, за единицу времени.

Важность же роста по этому показателю трудно переоценить - ведь рост производительности земли служил хозяйственной основой для поддержания практически всех других сквозных тенденций (прежде всего демографического роста, а через него и роста размеров социумов, роста количества информации в распоряжении отдельных социумов и т.д.).

Существенно, что долгосрочная тенденция к снижению производительности труда наблюдается только в доиндустриальном сельском хозяйстве. К ремеслу, обрабатывающей (но не добывающей!) промышленности это уже не относится, здесь можно говорить о вполне реальной сквозной тенденции именно к росту производительности труда [8]. Значимость этой сквозной тенденции, конечно же, трудно переоценить.

Можно говорить и о сквозной тенденции к росту количества энергии, производимой и потребляемой социумом (что, впрочем, не столь несомненно относительно роста производства энергии на душу населения). Применительно же к эффективности использования энергии нужно говорить, скорее, об отчетливой сквозной тенденции к ее падению (она начала меняться на противоположную лишь в 60-70-е годы нашего века и лишь в наиболее развитых странах мира; при этом смена тенденций не представляется совершенно неизбежной) [9].

Наконец, можно особо выделить и такую тенденцию технологического роста, как совершенствование материальных средств насилия. Очевидно, что можно выделить и иные автономные сквозные тенденции роста по "технологическим" параметрам.

Сомнительна и возможность рассматривать в качестве единой тенденции *рост организационной сложности*. Речь идет о группе параметров, связь между которыми не просто далека от 100%-ной корреляции, но и нередко отрицательна.

Назаретян описывает этот "сквозной вектор" следующим образом: «*Рост организационной сложности*. Стадо ранних гоминид, племя верхнего палеолита, племенной союз неолита, город-государство древности и так далее до зачатков мирового сообщества - вехи на том пути, который Ф. Хайек назвал расширяющимся порядком человеческого сотрудничества. С усложнением социальных структур (которое, как и интеллектуальный рост, сопряжено с фазами "вторичного упрощения"...) увеличивались масштаб группового самоопределения, количество формальных и неформальных связей, богатство ролевого репертуара, разнообразие деятельностей, образов мира и прочих индивидуальных особенностей» [2, с. 117].

Совершенно очевидно, что и здесь речь идет о нескольких достаточно автономных тенденциях социальной эволюции. "Племя-союз племен-город-государство и т.д." - это прежде всего тенденция к политической централизации. Увеличение "разнообразия деятельности", по-видимому, включает в себя и вполне реальную сквозную тенденцию к росту разделения труда. Между тем тенденции эти достаточно автономны: рост разделения труда может и не сопровождаться политической централизацией. Конечно, политическую централизацию можно рассматривать как частный случай процесса разделения труда, как развитие разделения труда между управляющими и управляемыми. Но тогда встает вопрос о значимой автономии процессов разделения труда в разных сферах человеческой деятельности. Скажем, в классической Древней Греции уровень разделения труда между управляющими и управляемыми был на порядок ниже, чем в государствах древнего Ближнего Востока (слой профессиональных администраторов-бюрократов лишь начинал складываться в Греции в эпоху ранней тирании, но затем тенденция эта была целенаправленно сломлена) [10]. Однако уровень разделения труда в других сферах человеческой деятельности (ремесле, образовании, искусстве, науке) был сопоставимым или даже заметно более высоким. Кроме того, тенденция к политической централизации несводима лишь к выделению слоя профессиональных администраторов. Она подразумевает и тенденцию к монополизации легитимного применения насилия, которую имеет смысл рассматривать самостоятельно.

Отмечу, что из описания Назаретяном процессов роста организационной сложности выпала собственно проблематика *организационной сложности*, функциональной дифференциации.

Достаточно автономной представляется и вполне реальная тенденция к росту "масштабов групповой идентификации".

Уместно рассмотреть еще одну группу тенденций социальной эволюции - к росту социального и экономического неравенства. Углубляющееся разделение труда, функциональная дифференциация (и вообще почти все описанные выше сквозные тенденции социальной эволюции) на протяжении большей части истории человечества, как правило (но все-таки не всегда), сопровождалось процессами роста социального и экономического неравенства. Из-за этого у нас даже появилась устойчивая практика оценивать уровень развития обществ (особенно архаических) по уровню развития в них социального и экономического неравенства - архаические общества с более выраженным неравенством нередко автоматически рассматриваются как более развитые по сравнению с более эгалитарными архаическими обществами. Нужно подчеркнуть, что тенденции к росту устойчивых форм социального и экономического неравенства относятся к классу "векторов", интересующих Назаретяна. Это, вне всякого сомнения, именно тенденции движения "от естества", к росту "устойчивого неравновесия".

Вместе с тем здесь мы вновь сталкиваемся с негэнтропийными тенденциями, действие которых людям (к счастью) удалось во многих обществах (или даже в большинстве обществ) относительно недавно остановить.

Наиболее очевидно это в отношении роста юридического неравноправия. Тенденция была сквозной для большей части человеческой истории. Впрочем, определенные тенденции в противоположном направлении стали намечаться еще в древности, когда, скажем, рядовым членам большинства греческих полисов удалось добиться равенства всех граждан (хотя и не всех обитателей полисов) перед законом. Эта контртенденция прослеживается и в Риме, где она находит свое отражение в Римском праве, оказавшем в дальнейшем значимое влияние на правовое развитие средневековой Европы. В средние века здесь несколько вперед вырывается Исламская цивилизация, где в рамках ортодоксального шариата формируется норма о равенстве перед законом всех свободных мусульман (таким образом заметное число исламских обществ с мусульманским большинством и не слишком большим числом рабов оказывается по уровню развития юридического равноправия впереди Европы).

Однако решающий перелом все-таки происходит в Новое время в Западной Европе. Примечательно, что если вектор развития юридического неравноправия является действительно общим для всех цивилизаций мира, то о контртенденции этого сказать никак нельзя (например, для средневековой индийской цивилизации она абсолютно нехарактерна). Установление же полного равенства всех обитателей крупных территориальных политий перед законом спонтанно формируется только в Западной Европе. Хотя в дальнейшем эта норма получает распространение по всему миру, но уже под непосредственным западным влиянием. При этом наиболее выраженную форму юридического неравноправия - рабство западные державы (включая и Россию [11]) ликвидируют на заметной части земного шара буквально силой.

То же самое можно сказать и о тенденции к росту политического неполноправия. На протяжении длительного периода человеческой истории фиксируется общий вектор в сторону отстранения все большей и большей части населения от влияния на принятие политических решений, на выбор политического руководства и т.п., что вроде бы вполне логично коррелирует с тенденциями к политической централизации, монополизации насилия, с профессионализацией управления и т.д. И снова, хотя контртенденция наблюдалась (спорадически и не повсеместно) и ранее, верх она берет лишь в Новое время в Западной Европе и лишь затем распространяется (а не формируется спонтанно) по всему миру.

В Западной Европе рост юридического равноправия населения в течение долгого времени сопровождался ростом экономического неравенства, увеличением разрыва в уровне доходов самых богатых и самых бедных (это, кстати, показывает, что рост/уменьшение неравенства - не один вектор, а группа тенденций, корреляция между которыми может быть даже отрицательной). Эту тенденцию на Западе удалось

переломить только в конце XIX - первой половине XX века [12]. Примечательно, что юридическое и экономическое равенство следует рассматривать как рост устойчивого *равновесия*; в результате такого рода процессов социальные системы безусловно становятся в нормальном случае более устойчивыми, но именно за счет роста их *равновесности*.

Но можно ли такого рода процессы рассматривать как "возвращение к естеству"? Думается, нет. Скорее, речь должна идти об "искусственной имитации естества".

Здесь имеет смысл остановиться еще на одной тенденции движения "от естества", которую человечеству удалось относительно недавно переломить. Действительно, с неолитической революции и до эпохи завершения становления высоких цивилизаций интенсивных земледельцев наблюдается устойчивая тенденция к падению средней продолжительности человеческой жизни. Когда антропологи обнаружили, что бушмены Калахари имели структуру питания (количество килокалорий, соотношения и абсолютные количества белков, жиров, углеводов, витаминов, микроэлементов), полностью соответствующую рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, они были удивлены. Хотя удивляться нечему. Человеческая биограмма формировалась в условиях охотничье-собирательного образа жизни, и именно к этим условиям она и приспособлена [13].

Переход к производящему хозяйству практически неизбежно вел к ухудшению условий человеческого существования (поэтому-то при отсутствии кризиса охотники-собиратели к производящему хозяйству и не переходят). Ведь производящее хозяйство - это искусственное увеличение биомассы крайне ограниченного числа видов "домашних" животных и растений в ущерб биомассе всех остальных съедобных растений и животных. При этом дальнейшая интенсификация сельского хозяйства ведет, как правило, лишь к дальнейшему увеличению в диете людей крайне ограниченного числа культур (наиболее продуктивных и калорийных, а значит, содержащих преимущественно углеводы) в ущерб всему остальному. Диета становится все менее разнообразной, углеводной, содержащей все меньше белков и витаминов. Оседлость приводит к ухудшению санитарной обстановки, усугубляющейся скученностью населения. Растет число паразитов, патогенов, что дополнительно осложняется развитием коммуникации, влекущей за собой распространение в поясе высоких цивилизаций все новых и новых заболеваний. На выходе мы имеем такие цифры средней продолжительности жизни (с учетом высочайшей детской смертности): 18-19 лет для Теотихуакана или 15-16 лет для императорского Рима эпохи принципата [14].

В некоторых областях Евразии тенденция эта стала переламываться более 1 тыс. лет назад (и не только в Европе — рекордсменом цивилизованного мира по средней продолжительности жизни и в XVIII веке была Япония [15]), однако радикальный перелом этой тенденции был достигнут лишь в XIX-XX веках. Важно подчеркнуть, что достигнут он был как раз в результате искусственной имитации многих фундаментальных условий и характеристик жизни населения верхнего палеолита. Диета жителей самых развитых стран мира (характеризующихся наибольшими показателями средней продолжительности жизни) искусственно имитирует диету верхнепалеолитного охотника-собирателя² - для нее характерно повышенное количество белков, витаминов, сниженное количество углеводов. Искусственно имитируются и другие условия жизни охотника-собирателя, скажем, улучшенная (по сравнению с земледельцами) гигиеническая обстановка; даже физическая нагрузка охотника-собирателя имитируется при помощи занятий физической культурой.

Складывается впечатление, что постановка вопроса "Удаляться ли от естества или приближаться к нему?" неудачна. Во многих исключительно значимых случаях не нужно, делать ни того, ни другого. Нужно не "удаляться от естества", не "возвращаться к нему"; оптимальной стратегией оказывается "искусственное имитирование естества".

² Их структура питания ближе именно к структуре питания охотников-собирателей, а не интенсивных доиндустриальных земледельцев.

КОММЕНТАРИЙ ТРЕТИЙ. Особые сомнения вызывают постулированный Назаретяном пятый "сквозный вектор" социальной эволюции - "увеличивающаяся терпимость, способность к взаимопониманию и компромиссам" - и формулируемый им в связи с этим *закон техно-гуманитарного баланса*.

Автор рассматривает рост в данном направлении как средство предотвращения "взаимного истребления людей и разрушения природной среды", т.е. он рассматривает развитие средств сдерживания агрессии и средств предотвращения разрушения природной среды как одну переменную. Однако это две разные переменные, и такие, между которыми часто не только не наблюдается жесткой положительной корреляции, но и фиксируется корреляция отрицательная (иногда исключительно жесткая).

Другими словами, Назаретян склонен полагать, что механизмы социальных и экологических кризисов идентичны и что, следовательно, выход из них достигается одним и тем же путем, через восстановление "техно-гуманитарного баланса". Но есть все основания полагать, что механизмы этих кризисов могут быть в высшей степени разными, выход из них зачастую достигается разными (а нередко противоположными) путями, и выход из социального кризиса нередко оказывается решающим фактором начала кризиса экологического, и наоборот.

Рассмотрим, например, типические модели развития экологических и социальных кризисов в раннеземледельческих обществах [16].

В некоем ареале осуществляется переход от присваивающего хозяйства к подсечному земледелию. Уже раннее земледелие, как правило, позволяет прокормить на той же территории многократно, выше, чем на порядок, большее население, чем это возможно при присваивающем хозяйстве.

В принципе любая форма земледелия невозможна без того или иного разрушения природной среды. Но разрушение это может быть минимальным и не иметь для людей заметных отрицательных последствий. Как уже упоминалось, в условиях высокой обеспеченности земельными ресурсами, характерной для самого раннего земледелия, имеется возможность после истощения почвы на обрабатываемом участке земли оставлять его под залежь на очень продолжительное время (30-50 и более лет), что позволяет полностью восстановить его плодородие. С ростом плотности населения свободных земель становится все меньше, и срок залежи приходится все более сокращать. Однако сокращение срока залежи приводит к тому, что плодородие обрабатываемой земли перестает полностью восстанавливаться, а значит, идет серьезное разрушение природной среды, чреватое самыми драматическими последствиями. Социобиогеоценоз оказывается в полосе реального антропогенного кризиса.

Какими путями людям удастся из такого рода кризисов выходить? Мне неизвестны случаи, когда выход из таких агроэкологических кризисов достигается благодаря "увеличению терпимости" и росту "способности к взаимопониманию и компромиссам". Реальность прозаичнее. Наиболее реальный выход из описанного агроэкологического кризиса достигается с помощью искусственного восстановления плодородия почвы (внесение удобрений, применение севооборотов и т.п.), т.е. развития земледельческой технологии. Итак, выход из вызванного "ростом технологической мощи" экологических кризисов может эффективно достигаться благодаря дальнейшему "росту технологической мощи", но в определенном направлении.

Описанная модель развития (и разрешения) агроэкологического кризиса у ранних земледельцев крайне упрощена. Для того чтобы сообщество экстенсивных земледельцев могло трансформироваться в сообщество земледельцев интенсивных, ему необходимо преодолеть не только агроэкологический, но и достаточно автономный собственно социальный кризис. Ведь такой переход предполагает многократный рост плотности населения. А общность, характеризующаяся на порядок более высокой плотностью населения, для того чтобы устойчиво воспроизводить себя, должна обладать более совершенными механизмами сдерживания агрессии. Развитие средств сдерживания агрессии оказывается необходимым условием многократного роста плотности населения.

Что же произойдет, если рост плотности населения будет происходить при отсут-

ствии развития средств сдерживания агрессии? Очевидно, вырастет частота агрессивных столкновений и возрастет смертность. Общество войдет в полосу собственно социального кризиса. Существенно, что "магистральный" путь выхода из этого кризиса (через совершенствование механизмов сдерживания агрессии внутри сообщества) отличен от "магистрального" пути решения другого из сопутствующих рассматриваемому переходу кризиса - агроэкологического (через совершенствование сельскохозяйственной технологии). Более того, решение одного из этих кризисов вовсе не приводит к реальному решению другого, а неразрешение одного приводит к снятию другого.

Допустим, сообщество нашло выход из агроэкологического кризиса. Но социальный кризис от этого только обострится, ибо это приведет к еще большему росту плотности населения. При катастрофическом же завершении агроэкологического кризиса массовая депопуляция приведет к резкому уменьшению плотности населения, частоты агрессивных столкновений, а следовательно, к снятию социального кризиса. Со своей стороны, катастрофическое завершение социального кризиса приведет к снятию агроэкологического кризиса, и наоборот. Между прочим, данные обстоятельства отчасти объясняют, почему переход от экстенсивного земледелия к интенсивному оказывается столь затяжным и затруднительным, почему столь многие народы не могут его в течение тысяч лет совершить.

Необходимо также иметь в виду, что при переходе от присваивающего хозяйства к переложному экстенсивному земледелию (при отсутствии значимого сопутствующего развития средств сдерживания агрессии) растет не только плотность населения, количество агрессивных столкновений и смертность от подобных столкновений, но и рождаемость. Росту рождаемости способствует оседлость, степень которой значимо вырастет при переходе к земледелию; но есть и много других факторов роста рождаемости (например, рост содержания углеводов в рационе, появление более или менее эффективных заменителей женского молока и т.п.). В результате рост смертности от агрессивных столкновений может компенсироваться ростом рождаемости. Вырисовывается еще одна модель выхода из "раннеземледельческого" социального кризиса - когда не происходит ни развития средств сдерживания агрессии, ни массовой депопуляции. Сообщество стабилизируется на уровне плотности населения и социокультурной сложности значимо более высоком, чем у охотников-собирателей, без заметного совершенствования средств сдерживания агрессии. Возросшая смертность в результате агрессивных столкновений будет компенсироваться возросшей рождаемостью.

Значит, утверждение Назаретяна о том, что в результате кризиса люди должны либо подняться на более высокую ступеньку "прогресса", выработав более совершенные средства сдерживания агрессии, либо самоистребиться, дегенерировать, опуститься на более низкую ступеньку, оказывается неточным. Помимо ароморфного (с повышением уровня организации) и дегенерационного (с ее понижением) выхода из кризиса вполне возможно и его идиоадаптивное разрешение. В этом случае не происходит ни значимого повышения, ни значимого понижения уровня самоорганизации, социокультурной сложности при качественном изменении структуры социокультурной системы. И все-таки главные сомнения в описании Назаретяном "пятого сквозного вектора социокультурной эволюции" у меня вызывает другое. Да, я согласен с существованием вполне реальной "сквозной тенденции" к совершенствованию средств сдерживания агрессии. И совсем уж никаких сомнений не вызывает тот факт, что социокультурные системы, характеризующиеся на несколько порядков более плотным населением и более разрушительными орудиями агрессии, характеризуются и заметно более развитыми средствами сдерживания агрессии. Но Назаретян сводит развитие средств сдерживания агрессии к "увеличению терпимости, способности к взаимопониманию и компромиссам", рассматривая "пятый вектор" в контексте "закона техно-гуманитарного баланса" и утверждая, что совершенствование средств насилия и агрессии неизбежно ведет к моральному совершенствованию либо к саморазрушению. Мне бы очень хотелось, чтобы Назаретян был прав. Но, к сожалению, действительность заметно прозаичнее.

Концепция Назаретяна еще раз напоминает о всей опасности использования в науке

неточных, "фигуральных" выражений. Вроде бы никаких сомнений не вызывает его утверждение о том, что в распоряжении современных людей находится неизмеримо более разрушительное оружие, а следовательно, тот факт, что современные люди не истребили друг друга (и даже имеют показатели насильственной смертности более низкие, чем у народов с несравненно менее развитыми средствами уничтожения себе подобных), объясняется именно ростом "способности к взаимопониманию и компромиссам" и "увеличением терпимости". Но хочется задать Назаретяну вопросы: какое именно разрушительное оружие находится в его распоряжении? А в моем? А в распоряжении наших родственников и знакомых? Тут-то и выясняется, что в реальном распоряжении не людей вообще, а подавляющего большинства реальных конкретных современных людей нет не то что оружия, на многие порядки более мощного, чем первобытные лук и стрелы, - у нас реально и луков-то со стрелами нет.

Например, сопоставим современную Россию с обществом, изучением которого я занимаюсь много лет, с Северо-Восточным Йеменом. Уровень насильственной смертности в России, как известно, достаточно высок, но в Северо-Восточном Йемене он даже несколько выше. Вроде бы это не противоречит концепции Назаретяна. Уровень развития средств насилия в России гораздо выше, чем в Йемене, но, следовательно, много сильнее и моральные ограничители, вот и результат. Но так ли это?

На самом деле более высокий уровень насильственной смертности на северо-востоке Йемена объясняется вовсе не слабостью моральных ограничителей на применение насилия (они-то там как раз исключительно сильны), а элементарным фактом наличия боевого огнестрельного оружия у подавляющего большинства взрослых мужчин региона в сочетании с исключительной слабостью государственных (в том числе и полицейских) структур. Более низкий уровень насильственной смертности в России объясняется вовсе не характерной для нас силой моральных ограничителей, а элементарным запретом на обладание любым боевым оружием, худо-бедно поддерживаемый всей мощью отечественного полицейского аппарата. И вряд ли у кого-то есть сомнения, что, если бы полицейские ограничения были полностью сняты и все бы мы стали обладателями огнестрельного оружия, мы многократно обогнали бы Северо-Восточный Йемен по показателю насильственной смертности³. Это не совсем голая спекуляция. Был период, когда в ходе гражданской войны обладателями огнестрельного оружия стала большая часть мужского населения нашей страны. Сопутствовавший этому уровень насильственной смертности и общего озверения хорошо известен.

В истории Йемена в этом веке тоже была гражданская война, затянувшаяся более чем на 10 лет. По сравнению с нашей гражданской войной йеменская прошла исключительно "корректно", без каких-либо зверств, от войны непосредственно страдали лишь вооруженные мужчины на поле боя, а над невооруженным населением никакого насилия сознательно не чинилось. В целом "корректно" прошла и последняя непродолжительная гражданская война (между Севером и Югом, 1994 год), когда вооруженные мужчины намеренно убивали только вооруженных мужчин. Особенно контрастно эта война выглядела в сравнении с шедшей одновременно гражданской войной в Руанде, где большая часть населения (хуту) была традиционно разоружена, где отмечались зверства (в том числе и по отношению к мирному населению) и где особыми зверствами отличались именно хуту, а не традиционно обладавшие оружием тутси.

Не может не вызвать удивления то, что Назаретян свел весь арсенал выработан-

³ А уж если бы все мы получили ядерные боеголовки, то вряд ли вскоре после этого от нас что-то осталось. Можно вспомнить и крупную современную страну, где заметная часть взрослого населения является легальными обладателями огнестрельного оружия и где уровень насильственной смертности все-таки несколько меньше, чем в России. Однако: 1) производство, продажа и использование огнестрельного оружия здесь жестко контролируется государством - в отличие от гор Северо-Восточного Йемена по улицам здесь с огнестрельным оружием никто не ходит; 2) оружие, которым обладают конкретные американцы, представляет собой детские игрушки в сравнении с действительно разрушительными видами современного оружия (и если бы рядовые американские граждане стали обладателями ядерных боеголовки, то и США перестали бы очень скоро существовать); 3) уровень насильственной смертности в США все равно на порядок превышает таковой в "разоруженной" Англии.

ных людьми средств сдерживания агрессии к "способности к взаимопониманию и компромиссам" и к "увеличению терпимости", совершенно проигнорировав "полицейские" средства сдерживания агрессии, сыгравшие в предотвращении разрушения человечеством самого себя (как ни прискорбно это сознавать) отнюдь не меньшую роль. А ведь с учетом этого изящный "техно-гуманитарный" баланс приходится переформулировать в баланс "техно-гуманитарно-полицейский".

Да, сквозная тенденция к развитию средств сдерживания агрессии представляется совершенно реальной. Но с учетом ее "полицейской" составляющей тенденция к усилению моральных ограничителей агрессии перестает выглядеть действительно сквозной. В наиболее сложных обществах в качестве самого эффективного ограничителя агрессии все-таки проявила себя монополизация государством легитимного применения насилия, по сути дела насильственное разоружение населения и введение жесткой системы наказаний за агрессивное поведение. Тенденция к развитию средств сдерживания агрессии является действительно сквозной - она прослеживается во все эпохи существования человечества, во всех цивилизациях. Этого, к сожалению, нельзя сказать об усилении моральных ограничителей.

Подчеркну, что я совершенно не склонен отрицать самой исключительной важности роста моральных ограничителей. Не склонен отрицать и реального усиления этих ограничителей как в большинстве государств мира, так и в межгосударственных отношениях в последние десятилетия. Но тенденцию эту, на мой взгляд, неправильно неограниченно экстраполировать в прошлое. Да, в отдельные эпохи, в отдельных цивилизациях моральные ограничители агрессии могли усиливаться (это наблюдалось, например, в развитии большинства сложных безгосударственных обществ - демократических греческих полисах, племенах Северо-Восточного Йемена, "вольных обществах" Дагестана, суверенных кантонах средневековой Швейцарской конфедерации и т.п.). Однако отнюдь не являются исключениями и примеры развития средств сдерживания преимущественно за счет "полицейской компоненты", как это наблюдается в процессе становления большинства государств.

Вообще на протяжении большей части существования человечества наблюдалась отрицательная корреляция между развитием "моральных" и "полицейских" ограничителей агрессии. Своего максимального развития моральные ограничители, по-видимому, достигли в сложных безгосударственных обществах (характеризующихся наряду с прочим вооружением всех граждан и отсутствием полицейского аппарата, имеющего право легитимно применять по отношению к гражданам насилие). Развитие же государственных структур, как правило, сопровождалось усилением "полицейских" ограничителей агрессии в ущерб моральным. Итак, агрессия может сдерживаться как моральными, так и "полицейскими" ограничителями, при этом развитие "полицейских" ограничителей нередко ослабляет силу ограничителей моральных⁴.

Как известно, многообразие социокультурных фактов столь велико, что нетрудно найти примеры для иллюстрации практически любой постулированной закономерности (даже если в реальности ее и не существует). Поэтому, если "правильно наметить точки" в безбрежном море исторического материала, можно проиллюстрировать и существование "сквозной тенденции" к росту силы моральных ограничителей агрессии, росту "способности к взаимопониманию и компромиссам", "увеличению терпимости". Да, можно взять жестокую "Доосевую" эпоху, отметить смягчение нравов в Осевое время, прибавить, что с Осевого времени "способность к взаимопониманию и компромиссам" выросла еще больше. Ну чем не "сквозной вектор"? Но не все так просто.

Рассмотрим, например, процесс "увеличения терпимости", взяв за точку отсчета эгалитарных охотников-собирателей. Как у них с этим обстоят дела?

Уровень терпимости, характерный для эгалитарных охотников-собирателей, многими недооценивается. Между тем, как отмечают некоторые исследователи первобыт-

⁴ По-видимому, парадигматически эта проблема была сформулирована еще в древнем Китае, прежде всего в полемике между конфуцианцами и легистами (полемике, сопровождавшейся, кстати, широким применением насилия) [17].

ных эгалитарных обществ, степень терпимости к "инакомыслию" там исключительно высока, что связано с целым рядом характеристик этих сообществ [18]. Как правило, отсутствует какое-либо единство в том, что считать, а что не считать должным. В этих обществах даже по вопросу инцестуозных связей некоторые явно выражают свое неодобрение, некоторые имеют к ним неопределенное отношение, а некоторые не видят в них ничего плохого (хотя и не выражают открыто своего одобрения). Нет четких представлений о моральном порядке, о природе сверхъестественных существ и т.д.

Конечно, ни в одном развитом доиндустриальном традиционном государстве такого уровня терпимости найти нельзя. В процессе политической централизации, становлении вождей, а в дальнейшем и государств растет, скорее, именно нетерпимость. И я не решился бы утверждать, что однозначный "рост терпимости" наблюдался даже в Осевое время. Да, в эту эпоху несомненно увеличение силы моральных регуляторов. Но наблюдалось ли при этом "увеличение терпимости"? Нет, во многих отношениях в ту эпоху заметно выросла именно нетерпимость. Например, невозможно отрицать исключительную значимость начавшегося в Осевое время процесса перехода от партикуляристских языческих культов к универсалистским мировым религиям. Привел ли этот процесс к усилению моральных ограничителей агрессии? Безусловно, да. Уже сам универсализм этих религий вел к резкому расширению круга "своих", по отношению к которым моральные ограничители агрессии в основном и действуют. Привел ли этот процесс к повсеместному однозначному "увеличению терпимости"? Нет и нет.

Уже в самом универсализме осевых религий оказались заложены зерна нетерпимости, давшие вскоре богатые всходы. Сам партикуляризм языческих религий был фактором достаточно высокого уровня терпимости. Право других общин поклоняться своим богам несколько не оспаривалось. Да, изображения чужих богов (т.е. по представлениям многих древних народов сами боги [19]) могли захватываться и увозиться к себе в столицу. Но даже в этом сквозит определенное уважение к религии других: чужие боги - реальная сила, с которой нужно считаться (и которую желательно при помощи своих богов подчинить). К тому же чужие боги зачастую отождествляются со своими. И нет никакого разговора о том, что религия других - греховное заблуждение, подлежащее искоренению.

Универсалистские, агрессивные, претендующие на мировое господство и полное уничтожение своих духовных конкурентов ортодоксии формируются именно в Осевое время. Истинна одна и только одна (наша) религия, все остальное - это греховное заблуждение, которое рано или поздно будет ею вытеснено и уничтожено. Подобная нетерпимость, впрочем, по-настоящему характерна только для мировых авраамических религий. Такие же осевые идеологии, как буддизм и конфуцианство, отличаются несравненно более высоким уровнем терпимости. И, скажем, конечную победу конфуцианства (инкорпорировавшего в себя многие элементы своего противника) над легизмом в Китае можно вполне рассматривать как в высшей степени значимый сдвиг в сторону именно "увеличения терпимости" (что в дальнейшем было четко продемонстрировано в высокой степени терпимым отношением конфуцианства к такой крайне чуждой ему идеологической системе, как буддизм). Но того уровня терпимости, который наблюдался в некоторых царствах Китая эпохи Чжань Го, позволявшего сосуществовать (и при этом исключительно плодотворно) большому числу разнообразных философско-идеологических систем, в Китае уже никогда (включая и XX век, если абстрагироваться от Тайваня и Гонконга) не наблюдалось. "Сквозного вектора" не получается.

Да, в отдельные эпохи в отдельных странах наблюдается некоторое "увеличение терпимости". Но в целом структура тенденций здесь скорее напоминает ту, которую мы уже наблюдали применительно к таким параметрам, как производительность труда, продолжительность жизни и социальное равноправие. На протяжении почти всей человеческой истории мы наблюдаем общую долгосрочную тенденцию к падению (с редкими и исключительно значимыми для последующей эволюции "попятными

движениями") с достаточно поздним переломом ее (и при этом в рамках западноевропейской цивилизации), с последующим распространением контртенденции на большую часть мира.

Примечательно, что рост нетерпимости, сопровождавший формирование и распространение мировых авраамических религий, дополнялся определенным усилением некоторых моральных ограничителей агрессии (только против людей, но не природы).

Это показывает, что и здесь Назаретян совершает свою типичную ошибку: рассматривает в качестве единого одномерного показателя то, что составляет группу показателей, имеющих между собой либо не слишком жесткую положительную, либо даже отрицательную корреляцию. В большинстве случаев наблюдается рост по одним показателям этой группы при падении по другим. Поэтому и появляется возможность конструировать "сквозной вектор" морального прогресса, выискивая в каждую данную эпоху растущий параметр и игнорируя падающие показатели (а с таким же успехом можно проследить и "сквозной вектор морального регресса"). Однако сконструированные таким образом сквозные псевдовекторы могут лишь вводить в заблуждение.

Но вернемся к "нетерпимости" авраамических мировых религий. Я не могу сказать, что отношусь к "нетерпимости" христиан или мусульман только отрицательно. Ведь именно нетерпимое отношение истовых христиан или мусульман к языческим практикам, не соответствующим духу и букве их религии, и позволяло им эти практики искоренять. В их числе оказалось и много таких, искоренение которых у большинства современных людей (даже нехристиан и немусульман), по крайней мере на уровне "сверх-Я", никаких возражений не вызывает. И здесь нетерпимость и бескомпромиссность мировых авраамических религий смотрится откровенно выигрышно рядом с терпимостью античных интеллектуалов, их готовностью идти на компромисс.

«...Книжник, приверженец Библии, как правило, не знал простейших сведений эллинистической науки об устройстве мироздания; зато он знал с такой безусловностью, какой недоставало философствующим моралистам, что кровавые "игры" гладиаторов совершенно недопустимы - не мрачны и грубы, как для философа Демонакта, не вульгарны и скучны, как для императора Марка Аврелия, даже не только теоретически предосудительны, как для приближенного Нерона - Сенеки, а именно недопустимы - они "мерзость перед Господом". Понятие о добре и зле, ставшее для греков и римлян с падением полисных устоев чем-то очень зыбким и расплывчатым, темой для необязательного теоретизирования и безответственных дискуссий, в библейском мировоззрении соотносилось с абсолютным авторитетом единого Бога и при всей ограниченности сохраняло определенность, непреложность, неуступчивость. Быт ессеев и других подобных "сотовариществ", а затем и раннехристианских общин оставался более здоровым и чистым, чем в обступившем эти общины языческом мире: только здесь, например, находилось под действенным запретом выбрасывание "лишних" новорожденных, вполне обычное для быта греческого» [20]⁵.

Итак, мы видим, что именно "авраамическая нетерпимость" вносила заметный вклад в развитие моральных ограничителей агрессии.

Сказанное относится и к средствам сдерживания агрессии человека против природы. Люди располагают сейчас достаточными техническими средствами для того, чтобы в считанные месяцы вырубить все леса вокруг Москвы. Более того, есть много фирм, которые с радостью это сделали бы. Так почему же этого не происходит? Неужели Назаретян всерьез думает объяснять это высоким моральным обликом руководителей и хозяев лесозаготовительных организаций? Объяснение же здесь исключительно банальное - строгий запрет на вырубку лесов в Подмосковье. И хозяин лесозаготовительной организации, ничего не имеющий против того, чтобы вырубить Лосиноостровский лесопарк, прекрасно понимает, что если он рискнет это сделать, то столкнется с самым реальным силовым "полицейским" противодействием. Снимите полностью запрет на рубку леса здесь - думаете, через пару месяцев от лесопарка что-то оста-

⁵ Не менее нетерпимо отношение к подобной практике и в исламе.

нется? А вот возвращать терпимость к подобным лесозаготовителям, развивать способность идти с ними на компромиссы вряд ли уместно.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ. Какой смысл обозначать названные выше тенденции социальной эволюции именно как "сквозные"? Конечно же, это не нужно понимать так, что в любом обществе реально присутствует любая из названных выше "сквозных" тенденций. Во многих современных обществах большая часть данных тенденций присутствует, и присутствует, как правило, несколько десятилетий, а иногда и веков. Но не нужно думать, что так было всегда. Более того, современное состояние, характеризующееся достаточно быстрым развитием большинства обществ в направлениях, "задаваемых" "сквозными векторами", логично считать аномалией, которая не может продлиться долго. На протяжении длительной части истории человечества тенденции эти наблюдались лишь в меньшинстве обществ. Но из-за очень большого числа эволюционировавших единиц даже присутствие одной из данных тенденций среди 1% социумов означало ее присутствие в десятках и сотнях социумов, разбросанных по разным частям земного шара. Качественные сдвиги по отмеченным выше параметрам были исключительно редки. Однако они имели, как правило, выраженный кумулятивный характер и в долгосрочной перспективе приводили к исключительно значимым социокультурным трансформациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коротаев А.В.* Факторы социальной эволюции. М., 1997.
2. *Назаретян А.П.* Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 2.
3. *Barry H., Child I.L., Bacon M.K.* Relation of Child Training to Subsistence Economy // *American Anthropologist*. 1959. Vol. 61.
4. *Boserup E.* The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago, 1965.
5. *Коротаев А.В.* Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития. М., 1991.
6. *Minge-Klevana W.* Does Labor Time Decrease with Industrialization? // *Current Anthropology*. 1980. Vol. 21.
7. *Bailey R.C., Peacock N.* Time Allocation of Efe Pygmy Men and Women of the Ituri Forest, Zaire. New Haven, 1989.
8. *Boserup E.* Population and Technological Change. Chicago, 1981.
9. *Люри Д.И.* Развитие ресурсопользования и экологические кризисы // Известия РАН. Серия географическая. 1994. № 1.
10. *Berent M.* Stateless Polis. Unpublished PhD thesis manuscript. Cambridge, 1994.
11. *Derlugian L.* The Unlikely Abolitionists: The Russian Struggle against the Slave Trade in the Caucasus, 1800-1864. Unpublished PhD thesis manuscript. Binghamton, 1997.
12. *Sanderson S.K.* Social Transformations. A General Theory of Historical Development. Cambridge (Mass. KМord, 1995.
13. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1975.
14. *Козинцев А.Г.* Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л., 1980.
15. *Мельянцеv В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии. М., 1996.
16. *Шнирельман В.А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников-собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
17. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989.
18. *Brunton R.* The Cultural Instability of Egalitarian Societies // *Man*. 1989. Vol. 24.
19. *Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
20. *Аверинцев С.С. и др.* Идеология поздней Римской империи // История Древнего Мира. Т. III. Упадок древних обществ. М., 1983.